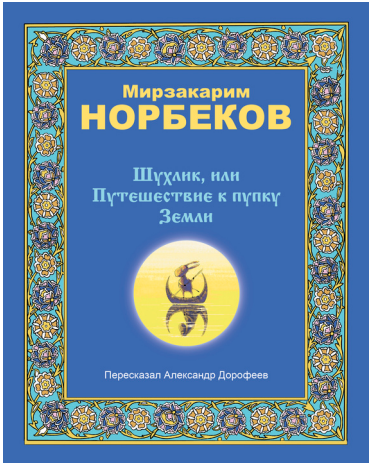

Мирзакарим Санакулович Норбеков

Шухлик, или Путешествие к пупку Земли

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4997374

Шухлик, или Путешествие к пупку Земли / Мирзакарим Норбеков; пересказал А. Дорофеев: АСТ:

Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-051041-2, 978-5-271-20425-8

Аннотация

Сказка «Шухлик, или Путешествие к пупку Земли» написана А. Дорофеевым по мотивам книги Мирзакарима Норбекова «Где зимует кузькина мать, или Как достать халявный миллион решений» аналогично тому, как сказка «Рыжий ослик, или Превращения» создана по мотивам книги «Опыт дурака, или Ключ к прозрению. Как избавиться от очков».

«Шухлик, или Путешествие к пупку Земли» – это удивительное путешествие каждого из нас к самому себе – к себе истинному, подлинному, настоящему.

Воистину эта книга – спасительная ключевая вода для души, потому что в ней торжествуют Добро и Любовь, которые каждый из нас способен взрастить в своем сердце.

Содержание

Дорогой читатель!	5
Счастье первое	6
Предок Луций	6
Райский сад	8
Джинн Малай	10
Привычка	16
Шесть частей ночи	18
Растрёпанные чувства	21
Брат-шайтан	24
Кое-что о пупках	26
Чу	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мирзакарим Норбеков

Шухлик, или Путешествие к пупку Земли

Мирзакарим Норбеков

Для кого-то это имя связано с восстановлением здоровья, для кого-то – с открытием своего бизнеса, для кого-то – с духовным ростом и становлением своей как Личности, а для кого-то со всем этим одновременно. Этот неординарный человек заражает желанием быть таким же жизнелюбимым, безгранично талантливым, любознательным, как ребенок, мужественным, сильным, устремленным вперед, как воин, разносторонним, знающим, мудрым, терпеливым, спокойным, как Учитель. На сегодняшний день он имеет свою школу и учеников по всему миру.

Он автор книг:

«Опыт дурака, или Ключ к прозрению. Как избавиться от очков»,

«Где зимует кузькина мать, или Как достать халявный миллион решений»,

«Энергетическая клизма, или Триумф тети Нюры из Простодырово»,

«Уроки Норбекова»,

«Тренировка тела и духа»,

«Верни здоровье и молодость. Практическое руководство для мужчин и женщин».

Секрет этого человека прост – он специалист по искусству побеждать. Главный его талант – это знание природы человека и умение Любить.

Александр Дорофеев

Известный детский писатель, десять лет проживший в Мексике. Человек, постоянно работающий над собой, сумевший сохранить чистое и тонкое восприятие мира.

Сегодня Александр Дорофеев – член Союза писателей, в прошлом ответственный секретарь «Мурзилки», автор более десяти прекрасных книг.

Для него вся жизнь – это духовная практика.

Дети летают во сне и мечтают полететь наяву.

Желание полететь – символическое отражение мечты о раскрепощенности и внутренней свободе. Потеряет ее человек, и дух потребительства с приспособленчеством легко овладевает им.

А. Дорофеев потому, наверное, и стал детским писателем, чтобы говорить с теми, чьи души еще не разучились летать.

Дорогой читатель!

У каждого из нас есть хотя бы одна история победы над собой. Есть она и у рыжего ослика Шухлика.

Эта история началась давно. С тех пор ему пришлось многое пережить, переосмыслить и преобразовать в себе. И тогда в его душе и вокруг него вырос удивительный сад – сад Шифо.

Этот сад путешествовал с ним по миру, принимая в свою тенистую прохладу и одаривая изобилием райских плодов всех его обитателей, уставших путников и странников. Этот удивительный сад, цветущий по утрам и дающий плоды к вечеру, стал настоящим оазисом.

Вместе с Шухликом в этом саду жили его мама, двугорбый верблюд дядька Бактри, корова – тётка Сигир, кошка Мушука, которых он забрал у бессердечного и злопамятного хозяина Дурды, а также друзья-приятели рыжего ослика – лис Тулки с лисонькой Корси и дюжиной лисят, сорока Загизгон, жаворонок Жур, черепаха Тошбака – бывшие обитатели пустыни – и многие другие.

Но так тоже было не всегда. Было у Шухлика и трудное, безнадежное время. Именно тогда его, одинокого, больного и несчастного ослика, приютил такой же сад, как тот, что спустя некоторое время он вырастил своим трудом. Ведь всем известно, что мир полон добра, сострадания и любви!

Это был сад северного ветерка Багишамал, где Шухлик встретил своего учителя дайди Дивана-биби.

Рыжий ослик многому научился, и прежде всего хранить внутри себя только добрые мысли и чувства, и создавать в душе самое сильное из них, которое пришло к нему как чудесная осьмикрылая ослица Ок-Тава.

Шухлик понял, что недобрые мысли и горестные чувства словно зыбучие пески способны затянуть и погубить все самое лучшее, что в нем есть. Поэтому он простил всех своих обидчиков, предателей и мучителей, сражался со своей ленью и победил ее.

Оказалось, что истинное счастье – это радость от каждой секунды жизни. Да что там! Каждая крохотная секунда жизни просто переполнена счастьем! А когда это осознаешь, она тут же становится огромной.

Много еще чего узнал Шухлик. За это время он пережил несколько превращений, но самое яркое, пожалуй, было превращение из рыжего ослика в золотого. Но даже на этом история Шухлика не заканчивается.

У вас, уважаемый читатель, есть замечательная возможность не только ближе познакомиться с приключениями Рыжего ослика¹, но и узнать, как историю чудесного превращения каждый человек – большой и маленький – может пережить сам.

*От всей души,
редактор Марина Серебрякова.*

¹ Книга «Рыжий ослик, или Превращения», Мирзакарим Норбеков, пересказал Александр Дорофеев.

Счастье первое

Предок Луций

Это был совершенно необычный осёл. Озорной весельчак Шухлик. Мало того что рыжий, почти золотой. Он жил в бродячем саду, который сам вырастил. И в душе его круглый год цвёл сад.

Впрочем, много ли на свете обыкновенных ослов? Да и вообще, есть ли в нашем мире хоть что-нибудь обычное, заурядное? Вряд ли удастся найти. Всё вокруг, ровным счётом всё, – единственное и неповторимое. Ну точно, как ослик Шухлик.

Его далёкий предок был, строго говоря, временным ослом.

Около двух тысяч лет назад жил-поживал молодой человек, которого звали Луций. Очень хорош собой – соразмерный рост, стройность без худобы, румянец и рыжие кудри до плеч. Глаза голубые, зоркие как у орла. Лицо – откуда ни посмотри – цветник юности. Поступь чарующая и свободная.

– И вот такой юноша, к тому же из знатной семьи, превратился по чистому недоразумению в осла и провёл в таком состоянии немало дней, – говорила мама Шухлику.

– Не может быть! – веселился он. – Такого не бывает!

– Ещё как бывает, – кивала мама. – Всё, что ново слуху, или непривычно зрению, или кажется выше нашего понимания, мы считаем небылицами. А тем не менее это одна из самых правдивых историй. Слушай, сынок...

Луций хотел обернуться птицей и натёрся колдовской мазью. Однако перепутал баночку и внезапно стал ослом. Волосы его утолщились до шерсти, нежная кожа огрубела, все пальцы, потеряв разделение, соединились в копыта, и вырос длинный хвост с кисточкой. Лицо стало огромно, рот растянулся, ноздри расширились и губы повисли. К тому же уши выперли на затылке, как войлочные тапочки.

Много чего удивительного пережил он в облике осла. Спас, например, девицу царской крови из разбойничьего плена. Врацал, как раб, тяжёлый мельничный жёрнов, ходя кругами. Не раз чудом избегал неминуемой смерти. Особенно плохо обходился с ним один мальчик, которого впоследствии разорвал медведь.

На его многострадальной спине возили и дрова, и камни, и драгоценности, и овощи, и посуду, и статую богини. А кто только не ездил на нём, свесив ноги!

В конце концов, судьба смиростивилась. Люди поняли, что Луций не бессмысленный выючный скот, а вполне разумный осёл.

Кивками и подмигиваниями отвечал он на вопросы, танцевал, боролся на арене, как гладиатор, и разделял трапезу с хозяином, закусывая и выпивая за столом. Громкая слава шла впереди осла Луция.

А кто, спрашивается, серьёзно занимался с ослами? Если б им уделяли столько же внимания, как обезьянам или собакам, а не просто навьючивали груз на спину, какие бы способности могли открыться!

Приключение это закончилось для Луция тем, что, пожевав лепестков роз, он возвратил себе прежний облик. Однако всегда с благодарностью вспоминал существование в ослином виде, поскольку приобрёл благоразумие и жизненный опыт.

«В любом осле может скрываться какое-нибудь человеческое лицо или божественный лик!» – заметил он когда-то в своих мемуарах. Его записки поражают достоверностью и подробностью.

Об одном Луций умолчал из скромности – о своей возлюбленной, правнучке ослицы Валаамовой, от которой и пошёл род Шухлика.

Такие истории рассказывала мама рыжему ослику, пока они странствовали вместе с садом по нашему огромному миру.

Они повидали уже множество чудес, и шагали потихоньку, не раздумывая, прямо туда, куда глаза глядели.

А что может быть лучше такого простого путешествия без всяких особенных мыслей и целей?

Да вот только хочешь, не хочешь, а обязательно возникнет на пути какая-нибудь чёртова канава или подлый буерак, которые заставят задуматься, туда ли идёшь!

А задуматься всегда к счастью.

Райский сад

В саду было весело. Утром он зацветал, распевая песни, а к вечеру плодоносил. Живой сад по имени Шифо.

Друзья-приятели рыжего ослика – лис Тулки с лисонькой Корси и дюжиной лисят, кошка Мушука, сорока Загизгон, жаворонок Жур, кроты и слепыши из семейства мышиных – залезали на стремянки и собирали урожай. Черепаха Тошбака шустро ползала под деревьями, отыскивая упавшие яблоки, груши, гранаты и персики.

По утрам, когда отдыхают звёзды, чудесная осьмикрылая ослица Ок-Тава, созданная в душе самим Шухликом, спускалась с небес.

Словом, каждая огромная секунда жизни была наполнена счастьем.

Шухлик бесконечно удивлялся всему, что происходило вокруг.

Трава почему-то зелёная, ручей бежит, журча, к пруду. Фрукты сладкие. Птицы летают, а черепаха, муравьи и гусеницы только ползают. Зато гусеницы превращаются в порхающих над цветами бабочек. Подслеповатые кроты там и сям роют норы, а лисята подрастают как на дрожжах. Цветы пахнут, а ветер дует, и солнце восходит в одном и том же месте.

Разве не чудеса? Хочется прислушиваться, присматриваться, принимать, потому что всё хоть и кажется неизменным, а меняется постоянно, день ото дня. Только бы слышать и ощущать! Только бы не привыкнуть!

Слепив из фиников с мёдом статую своего предка Луция, Шухлик поклонялся ему, как божеству, прося об одном, – не отнимать восторг и удивление перед окружающим миром. Потом этой статуей ужинала вся садовая компания, а на другой день рыжий ослик лепил новую.

В сад заходили уставшие путники. Присаживались отдохнуть у пруда. И рыжий ослик развлекал их, как мог. Устраивал, например, фейерверки, забеги на скорость и маскарады. Лисы переодевались в кротов, кошка Мушука изображала черепаху, кроты порхали над деревьями, как жаворонки, а черепаха Тошбака, хоть и старушка, разгуливала без панциря, нагишом.

Каждый день в саду был волшебен. А по вечерам деревья разгорались зеленоватым пламенем и светили до восхода солнца.

Шухлик сочинил пьесу о жизни замечательных животных, в которой играл главную роль – римского осла Луция.

Мама говорила, что постановка удалась на славу, всё очень правдиво. Именно таким был их знаменитый предок. Вот если бы сделать ещё и музыкальный спектакль вроде оперы!

Эта мысль запала в душу Шухлика. Да только он не знал, кто напишет музыку и кто споёт. Хороший слух и приятный голос были только у сада Шифо. А его обитатели не отличались певческим талантом. Лисы тьякали и повизгивали. Мушука мяукала, мурлыкала и шипела. Сорока Загизгон лишь стрекотала. Кроты и черепаха – вообще тихие шептуны. У самого ослика голос хоть и громкий, но, честно говоря, не слишком благозвучный. Из такой братии вряд ли выйдет пристойный хор. Разве что жаворонок Жур мог бы исполнить романс или короткую арию.

Как-то ранним утром черепаха Тошбака приползла к Шухлику запыхавшаяся и взволнованная.

– У нас гости, – сказала она. – Там на полянке у пруда.

Гостей оказалось трое. Один неизвестный – появился буквально из-под земли. Ещё накануне и намёка на него не было, а теперь шелестел маленькими круглыми листьями. Вырос тут за ночь и чувствовал себя, судя по всему, как дома. Под ним сидели двое других, старые знакомые, – сурок дядюшка Амаки и тушканчик Ука.

– Привет от Дивана-биби из сада Багишамал! – обрадовались они, завидев Шухлика.

– А это от учителя подарок, – указал дядюшка Амаки на третьего гостя. – Дерево... – И внезапно задумался. – Эх, позабыл в пути, как называется. То ли древо познания...

– Да нет! – воскликнул тушканчик Ука. – По-моему, древо незнания! Когда возмужает, под ним можно будет чудесно отдыхать с пустой головой!

– Не уверен, – возразил сурок, разглядывая тоненький скромный саженец, похожий на заурядную вишню. – Кажется, надо дожждаться плодов. Иначе могут быть неприятности.

– Да какие ещё неприятности в нашем райском саду?! – удивилась черепаха Тошбака. – Всё есть, и всё прекрасно! Пусть себе просто так растёт, без плодов и общественных нагрузок.

Действительно, жизнь в саду Шифо шла просто так, словно на прогулке, – без волнений, тревог и переживаний. Текла на редкость благополучно, будто полноводная молочная река среди кисельных берегов под ясным небом.

Словом, и вправду – райский сад! Ведь рай, по правде говоря, довольно-таки простая штука. Это небо над головой, счастливая хорошая доля на земле и покой в душе. Ничего сложного.

Так уж устроен этот мир. Наверное, всё-таки счастливо.

Джинн Малай

Если в райском саду Шифо и случались неурядицы, то выручал джинн Малай.

Спасённый когда-то Шухликом из заточения в маленьком горшочке, он воплотился в красного осла с горбиком на спине и пиратской повязкой на левом глазу, то есть принял тогдашний облик своего освободителя.

Стоило лишь заикнуться, и Малай отвечал с готовностью: «Слушаю и повинуюсь, мой господин!»

Более того, сам напрашивался устроить что-нибудь эдакое – вроде дюжины поющих радуг в небе или душистого цветочного дождя. Правда, Шухлик редко обращался к нему с просьбами.

Но как-то мама-ослица решила, что её сынок очень исхудал, сочиняя пьесы и развлекая частых гостей – званых и незваных.

– Зачем столько усилий? – сокрушённо качала она головой. – Ты не щадишь своё здоровье! А ведь у тебя в прислуге настоящий джинн, который в основном лоботрясничает да глупостями занимается. Я понимаю, он отсидел немалый срок, – если верить на слово, пять тысяч лет. Однако пора уже и за работу браться! Для начала прикажи ему сотворить телевизор.

Пожалуй, с этого всё и началось.

Да, так всегда бывает – маленький шаг в ложном направлении, и ты уже посреди обширного болота, из которого невероятно тяжело выбираться.

Мама решила, что один телевизор хорошо, но куда лучше, если будут личные у всех обитателей сада, вплоть до слепышей из семейства мышиных. В общем, в каждой норе, в каждом гнезде появилось по телевизору. Правда, они вредничали и показывали что хотели.

Кошке Мушуке, например, – жуков, личинок и дождевых червей. Кротам – мышек, а семейству лиса Тулки – охотничьих собак. Только тушканчик Ука с удовольствием наблюдал за обычаями австралийских кенгуру.

Вскоре сад Шифо наполнился разными механизмами, облегчавшими жизнь.

Ранним утром мама-ослица запихивала в стиральную машину всё, что ей казалось грязноватым, включая кротов, Мушуку и сурка дядюшку Амаки.

Затем обходила все уголки с пылесосом, который почему-то невзлюбил тушканчика и постоянно затягивал, где бы тот ни укрывался.

Устав, мама-ослица присаживалась у пруда, и остаток дня разговаривала с пчёлами по сотовому телефону. Причём пчёлы роились вокруг маминой головы и норовили проникнуть в сам телефон, потому что совсем ничего не слышали.

Но это были только цветочки.

И месяца не прошло, как под каждым деревом стояли однорукие бандиты и автоматы. Не те, что стреляют, а другие – игральные и с газированной водой, с пирожками и с горячими сосисками, с тёртой морковкой и с яйцами всмятку.

Возникли американские горки, качели, карусель и колесо обозрения.

Потом Малай возвёл терема, вроде скромных дворцов, – для сороки Загизгон, жаворонка Жура и сурка дядюшки Амаки. А Шухлику – особенный золотой шатёр с изумрудными окнами.

Лесенки-стремянки, на которые взбирались вечерами все обитатели сада, собирая урожай, заменили лифтами. А хорошо подумав, решили, что и это ни к чему. Зачем нажимать на кнопку и терять время, трясясь в лифте, когда можно просто приказать джинну Малаю – пусть плоды будут собраны и разложены по закромам!

Казалось бы, достаточно. Можно, по крайней мере, сделать небольшой перерыв.

Однако маме-ослице срочно потребовалось метро, чтобы навещать кротов и лисоньку Корси.

Джинн трудился, как безотказная золотая рыбка, исполняя каждый день по дюжине бестолковых желаний.

Иной раз едва не плакал от легкомысленных приказов.

Например, соорудил посреди сада театр, а уже через неделю переделал его в огромную шарманку.

Когда её ручка сама собой крутилась и звучала мелодия «Разлука, ты разлука!», можно было видеть, как высокие, низкие и среднего роста человечки скачут, как блохи, прыгают, ползают и бегают наперегонки.

Джинн ежедневно выращивал фрукты и овощи, которых не существовало в природе, – то мангонанасы, говорившие сказки, когда их поедали, то помибачки, прыгавшие в рот с любого расстояния.

От постоянных усилий чистый дух Малай неуклонно, как говорится, возрастал.

Из темницы-горшочка он выбрался небольшим ослом, но со временем достиг размеров коровы, потом верблюда и, наконец, слона.

Очень, конечно, странное зрелище – огромный красный ослище с горбиком на спине и пиратской повязкой на левом глазу!

Но если Малай возрастал как дух, то Шухлик – исключительно как тело.

Он так изнежился и раздобрел, что стал похож на рыжего бегемота или на четырёхколёсную квасную бочку. Не Шухлик, а какой-то Пухлик-Рыхлик-Тухлик!

В душе его воцарилось вялое отупение, а чувства совсем завяли. Только одно продолжало цвести день и ночь – желание иметь всё больше и больше, жить всё лучше и лучше.

Говорят, что это такие мелкие бесы вроде чертей вселяются в тебя и хозяйничают, как хотят, – искушают, соблазняют.

Шухлик позабыл даже о прекрасной осьмикрылой ослице Ок-Таве, о том состоянии счастья, которое мог создавать сам, без посторонней помощи. И Ок-Тава перестала являться в сад Шифо.

Ошеломлённый сад остановился где-то на краю света посреди бескрайней дикой степи, куда ни один путник не забредал по собственной воле. Впервые за долгое время он растерялся и не знал, что же дальше будет.

Забитый до краёв всякой всячиной, будто парк культуры и отдыха, затягиваемый паутиной и зарастающий сорняками, сад очень тревожился о своей дальнейшей судьбе. Раньше в нём было весело, а теперь как-то сонливо. Его хозяин и садовник утратил охоту к путешествиям. Вообще много чего утратил!

Конечно, когда всё за тебя делают, лень и праздность одолевают, подкрадываясь со всех сторон. Доходит до того, что ленишься почесаться или даже поесть.

Шухлик подрёмывал в золотом шатре. Чёлка красиво разделена на две прядки и завитая. Расчёсанный хвост украшен золотыми шариками. Не простой осёл, а какой-то падишах!

Ублажал его пожилой образованный орангутанг, доставленный джинном из цирка. Кормил восточными сладостями – засахаренным миндалём, персиками, начинёнными изюмом, и прочими лакомствами, которые никогда не кончались в расшитом бисером парчовом мешочке. Разминал ноги, шею и спину, почёсывал хвост и копыта, обмахивал страусиным веером.

Шухлика иногда подташнивало от такой жизни, но он терпел, думая, что лучшей быть не может. Куда же лучше, когда есть всё, чего ни пожелаешь?! И полный покой, от которого, вероятно, и тошнит временами.

– Позволение?! – услышал он голос Малая из-за полога шатра.

И промычал изменившимся голосом, как откормленный бык, которому уже пора на бойню:

– Позволение!

– Мой господин, – вздохнул Малай, оглядевшись. – Я в затруднительном положении.

Поглядите на мои размеры.

Рыжий ослище с трудом приподнялся на шёлковых пуховых подушках.

– Да ты на меня взгляни! Как говорит мама, – очень возмужал...

– Сушая правда, блаженный повелитель, – поклонился джинн. – Вы так окрепли и поздоровели, что, думаю, в силах исполнить просьбу вашего покорного слуги. Отпустите навестить родственных духов! Нужен отпуск, чтобы прийти в себя! Если ещё хоть чуток подрасту, застряну навеки меж игральными автоматами.

– В общем-то я не против, – замялся Шухлик. – Но всё-таки отпросись у мамы...

– Слушаю и повинуюсь, – понурился Малай и вышел из шатра.

Задача и впрямь была не из лёгких. Куда сложнее, чем строительство метро!

Мама-ослица долго упрячилась – она и представить теперь не могла, как жить без джинна. А вдруг сломается телевизор или застрянет лифт?!

Бедный Малай совсем было отчаялся, но тут-то его и осенило, или озарило, что не так уж часто выпадает даже на долю чистых духов. Он пообещал вырастить в саду Шифо новое дерево, а именно – дерево желаний, которое подменит его на время отпуска.

И, не мешкая ни минуты, создал нечто удивительное – великолепную помесь сосны с пальмой. А на макушке – невидимый с земли зелёный глаз, смотрящий в небо.

Этот глаз заглядывал на самое небесное дно, откуда обычно и приходят исполнения желаний.

Мама-ослица, не церемонясь, тут же испытала дерево, превратив для начала рыжую лисоньку Корси в чернобурку.

В общем-то она не для себя старалась, а для своих ближних, хотя её заботы выходили подчас для них боком.

Черепaxe Тошбаке заказала золотой панцирь с бриллиантами по краям. Старушка, увидав себя в таком царском наряде, попросила ещё и небольшой трон со скипетром.

Сороке Загизгон достался прекрасный орлиный клюв и пышная разноцветная грудь попугая. А тушканчик Ука стал сумчатым величиной с кенгуру.

Мама-ослица была в восторге.

Раньше ей приходилось обращаться к джинну через сыночка, поскольку Малай только ему подчинялся. Нередко что-нибудь искажалось в её желаниях. Зато теперь она могла командовать деревом самолично, как хотела, без всякого стеснения.

Перед дальней дорогой Малай зашёл проститься со своим господином. Всхлипывая, еле протиснулся в золотой шатёр.

– Пощадите! Чувствую себя кругом виноватым! – воскликнул он.

– Да что такое? – не понял Шухлик. – Гуляй, сколько душа пожелает! Приходи в себя. Ты же оставил нам дерево желаний!

– То-то и оно! Поэтому и говорю – кругом виноват! – И Малай, будто дрессированный слон, упал на колени. – Но, клянусь, всё исправлю!

Уже выходя, не сдержался и заревел, как ребёнок, горячими слезами. Такого с ним отродясь не бывало.

Позабыв о своих возможностях, джинн просто скакал поспешным ослиным галопом на родину, в страну огненных духов по имени Чашма.

И всё же он печалился, хотя всегда, даже томясь в крохотном горшочке, знал, что каждый миг этой жизни – счастье.

Привычка

«Странный мне джинн достался, – думал Шухлик, задрёмывая среди пушистых ковров и мягчайших подушек. – Впрочем, без него будет, наверное, грустно...»

Он заворочался, ощутив вдруг, как отлетает сонная нега и нарождается невнятное беспокойство, словно чего-то не хватает. Правда, трудно разобраться, чего именно.

От сытой и довольной жизни очень быстро наступает отупение. Иногда быстрее, чем солнце уходит за край земли.

А если благополучие длится бесконечно, от него можно так затосковать – хуже, чем от горькой беды. Если кажется, что всего достиг, всего добился и некуда стремиться, то хоть ложись и помирай или вой с тоски.

Даже не знаешь, чего ещё пожелать. И это так мучительно!

Шухлик уже привык, что всё исполняется само собой, без всяких усилий.

Хочешь золотой шатёр – пожалуйста! Вот тебе и пуховые подушки, и пожилой орангутанг с опахалом из страусиных перьев!

Вообще-то сквернее привычки нет ничего на этом свете! Привычка, как смерть. Она, эта привычка, притупляет и убивает чувства. Не все, конечно.

Есть чувства внешние и чувства внутренние, то есть душевные.

Пять внешних чувств – глаза, уши, нос, язык, да и вся кожа – рассказывают душе об окружающем мире.

Душа раздумывает, осознаёт, где, к примеру, добро, где зло, где радость, а где горе, и выращивает целый сад внутренних чувств. Их множество, и они такие разные, что не перечёсть. Вот их-то и губит привычка. Она, как прожорливая гусеница, всё поедает – любовь и ненависть, жалость и сострадание, стыд и раскаяние.

Не остаётся ни удивления, ни сожаления, ни восторга. Никаких порывов и страстей.

Увядает сад чувств. И в душе – болото. В лучшем случае – чертополох, лопухи, сныть, крапива да медвежье ухо. Словом, сорняки.

Если честно, без душевных чувств ты глух, слеп и нем. И, хочется добавить, глуп.

Что-то вроде дождевого червяка. Ползёшь куда-то, набивая брюхо. Вот и вся жизнь!

Хотя для кого-то, возможно, и такая хороша.

Душа засыпает, как сурок дядюшка Амаки в норе. Безучастная, безразличная. Привычная ко всему. А это действительно ужасно!

Тогда и райский сад становится адом.

Ведь ад – это совсем не то место, где мучают и поджаривают на сковородке.

Ад – это такое состояние бесчувственной души, когда всё вокруг растворилось, улетучилось, стало будто бы невидимым.

Как говорил учитель Диван-биби, чувства внешние угождают телу, а чувства внутренние возносят в вечность.

Телу-то, конечно, угодить проще. А вот вознестись да ещё в вечность – очень мудрено!

Увы и ах! – увяли и засохли чувства Шухлика. Иначе говоря, отупели.

По привычке он просыпался, смотрел и дышал. Изредка ходил и часто ел – по привычке. Его давно ничего не трогало и не беспокоило.

Какая там мама? Какие там друзья? Какая Ок-Тава? Он позабыл обо всём на свете.

Словно тучный дождевой червь. Даже рыжая шкура побурела под цвет земли.

К счастью, чувства, как всякое садовое растение, не только умирают, но и возрождаются – побеждают привычку. Хотя это непростое дело. Иногда требуется настоящее чудо, чтобы чувства очнулись. А привычка – коварная особа. Вместе с чувствами губит и чудеса.

Это кажется невозможным, но и к чудесам быстро привыкаешь. Особенно когда они вокруг тебя и повторяются ежедневно.

Все уже давным-давно привыкли к небесам, к звёздам и луне, к цветущим деревьям и к их плодам, к струящейся в реках воде...

Если бы на небе каждый день появлялась, к примеру, дюжина радуг, по которым можно было восходить куда захочешь, и к этому вскоре привыкли бы, найдя научное объяснение. Да к тому же кто-нибудь обязательно купил бы эти радуги и начал билеты на них продавать.

Вот и Шухлик привык к своему райскому саду Шифо, к джинну Малаю и к дереву желаний. Разучился чуять всей душой чудесность. И всё принимал как должное, как само собой разумеющееся, будь то батон из булочной или каша из топора, приготовленная джинном.

Такое, к сожалению, случается очень часто.

Далеко не каждый умеет по-настоящему слышать, ощущать и созерцать. Хотя весь мир вокруг нас – чистое сокровище. На каждом шагу, в каждой ямке от копыта – чудеса! Да только как их разглядишь, когда с чувствами плохо?

Смотришь, а не замечаешь. Слушаешь, а не слышишь. То есть всё кажется понятным и обычным, простым и заурядным, точно из учебника природоведения.

Ну, разумеется, солнце всходит и заходит оттого, что Земля вращается. Ну, конечно, облака над головой собрались потому, что испарения воды поднялись в небо. А когда накопилось слишком много капелек, они, безусловно, не удержатся в воздухе и прольются на землю дождём.

Эка невидаль! Никаких чудес! Одна лишь скучная привычка ко всему – к самой жизни.

И всё-таки любую, самую злокозненную привычку можно одолеть.

Вот теперь что-то растревожило Шухлика и звало, неизвестно куда и зачем. Кряхтя, он поднялся с пуховых подушек и вылез из золотого шатра. Постоял, огляделся. И первым из чувств воскресло удивление.

«Неужели мне и впрямь ещё чего-то нужно?! – размышлял Шухлик. – Да разве может такое случиться в саду Шифо?»

К счастью, в любом райском саду обязательно чего-нибудь не хватает. Ну, хотя бы тех же волнений, тревог и переживаний. Без них жизнь останавливается, и всё засыпает мёртвым сном.

Шесть частей ночи

Шухлик, отдуваясь и переваливаясь, как свиноматка, прошёлся по вечернему саду. Уже забыл, когда ходил так в последний раз.

Шелестели листья, перешёптываясь с травой. Журчал ручей, спеша рассказать какую-то новость пруду. Мерцали на небе первые звёзды, будто подмигивали уходящему солнцу. И такой между деревьев струился воздух, что хотелось его полизать.

Открыв рот, Шухлик неожиданно почувствовал, что ужасно хочет петь, – аж язык чешется!

«Вот чего мне не хватало, – понял он. – Славы певца!»

Не откладывая дело в долгий ящик, начал разучивать арии из опер и романсы, но получалось всё не слишком хорошо, как-то неудачно.

Когда Шухлик влезал на колесо обозрения и затягивал какую-нибудь серенаду, – йо-го-го-йо-ия-ия-ия! – сад Шифо тяжело вздыхал и грозился зачехнуть, а его обитатели прятались по норам и гнёздам.

– Дорогой мой, – говорила мама. – Среди ослов крайне редко встречаются умелые певцы. Пожалуй, я о таких и не слыхала. Может, только предок Луций умел петь как следует. У тебя, сынок, куча других достоинств. Ну зачем тебе пение?

– Что я могу поделать, – вздыхал Шухлик, – если душа вдруг запела...

– Но горло-то не приспособлено! – сердилась мама. – Когда совсем невтерпёж, уйди в укромный уголок, подальше, или спустись в метро и пой, сколько хочешь.

– Петь для себя – это глупо, – не соглашался Шухлик. – Нужны слушатели!

Однажды, на ночь глядя, он вспомнил мамины рассказы о превращениях Луция.

«Отчего бы не попробовать? Может, стану ненадолго певчей птицей! Хоть разок спою так, как хочется. Изолью все звуки, накопившиеся в душе!»

Колдовской мази, конечно, не было. Джинн Малай в отпуске.

Шухлик отправился напрямик к дереву желаний, на котором раскрылись огромные розовые цветы, мигавшие лепестками. Подождал минут пять и запел. Но голос совсем не улучшился. Может, мама-ослица утомила дерево своими запросами?

Тогда он нащипал полный рот лепестков и тщательно, как верблюд, пережевал. Слишком пахучие и щекотные! Поморщился и проглотил.

Ничего особенного не произошло. Просто какая-то сила внезапно подняла рыжего осла на вытянувшиеся задние ноги. Копыта вдруг разлапились, обращаясь в ступни и ладони. Надёжная толстая шкура утоньшилась и оголилась, а хвост вообще исчез. Стало лучше видно, зато хуже слышно, и нюх притупился.

Шухлик, покачиваясь, неуверенно шагнул на двух ногах и едва не упал с непривычки.

«Что такое?! – ужаснулся он. – На кого я похож?»

Добрёл на четвереньках до пруда и глянул в воду. Оттуда на него испугано взирал неизвестный молодой человек. Голова в сравнении с ослиной – круглая, маленькая, и нос торчит, как клюв, эдак отдельно от остального лица. Словом, глаза бы не видели!

Шухлик чувствовал себя настолько неуютно в новом обличье, что позабыл о пении. Спотыкаясь, побежал к маме.

Мелкий человеческий язык плохо слушался. Коверкая слова, Шухлик промычал:

– Мва-мва, йэто ия-ия!

– Ну, вот! – ахнула она, всё же узнав сыночка по голосу. – Доигрался! Бедный мой, что же нам теперь делать?!

Мама, конечно, здорово растерялась. То начинала скакать вокруг Шухлика, то останавливалась, горестно прядая ушами.

Только что был её чудесный рыжий толстяк и вдруг – нате вам! – какой-то малознакомый парнишка.

На мамины вопли сбежались и слетелись все жители сада. Долго совещались, как быть, и порешили – утро вечера мудреней. Черепаха Тошбака так и сказала, а лис Тулки добавил: – Утром проснёмся, а он – снова осёл. Вот попомните моё слово!

Но это сказать легко, а Шухлик даже не знал, как спать – стоя или лёжа? До земли теперь было очень далеко, и приходилось глядеть на всех сверху вниз.

Друзья-приятели старались держаться от него на расстоянии. К тому же он не понимал, о чём они говорят. Хорошо, что мама переводила.

Наступила ночь. Известно, что каждая ночь состоит из шести частей – сумерки, время светильников, время сна, глубокая ночь, когда вся жизнь замирает, крик петухов и заря.

Уже в первой её части все разошлись по норам и гнёздам, и сад притих. Такого с ним раньше не бывало. Он всегда что-то лепетал, нашёптывал, а теперь – молчок, ни гу-гу!

Затаился, словно предчувствуя недоброе. Деревья не светились, как прежде. Они будто бы перегорели. Глухая навалилась чернота.

Шухлик ощупывал пальцами новое тело, грустя о копытах, о тёплой шкуре, о длинных ушах и хвосте.

Он таращился по сторонам другими глазами, человеческими. И всё казалось ему чужим, странным и пугающим. Мало того, в него вселилось какое-то непостижимое волнение и возникло множество вопросов к самому себе.

«Такой ли я, каким хотел быть? – вздыхал Шухлик. – Кто я на самом деле? И ради чего живу?»

Эти вопросы раньше, возможно, где-то таились, прятались, а теперь объявились гурьбой в человеческой голове Шухлика и не давали покоя. Они жужжали, словно осиный рой, и трудно было разобрать, о чём именно. Голова кружилась на необычной высоте. Хотелось убежать из тихого, благополучного сада в неведомые дали.

С тоски он запел самый печальный романс из всех, известных ему: «Лишь на мир в молчанье тень и мгла падут, и своё сиянье звёзды разольют, с горькою истомой на душе моей я иду из дому на свиданье с ней. На свиданье это в тишине ночной смотрят до рассвета звёзды лишь с луной. И когда приду я, тихо к ней склонюсь, всё её бужу я, да не добужусь».

Он пел, не останавливаясь, вторую и третью части ночи. Но особенно дивные, глубочайшие звуки потекли из его горла, когда вся жизнь замерла. Увы, некому было послушать! Ни луны на небе, ни звёзд, среди которых можно было бы отыскать Ок-Таву.

Так жалобно пел он, чувствуя себя одиноким и покинутым, что набежали вскоре низкие облака, и пошёл мелкий, но, судя по всему, долгий дождь.

Перебили Шухлика нагловатые петухи. В саду Шифо петухов отродясь не бывало. Однако пение их раздавалось каждое утро. Эти, с позволения сказать, птицы настолько уверены в себе, что их крики живут отдельно от них по всему миру.

Всю пятую, петушиную части ночи Шухлик бродил по саду, как неприкаянный, меся грязь голыми ногами и дрожа всем телом.

Шарахался от игровых автоматов, урчащих и завывающих, будто свирепая стая хищников. Натыкался на одноруких бандитов и на карусели с толстыми деревянными осликами и ослицами, точными портретами Шухлика и мамы. Притаившиеся меж деревьев качели, не узнав его, со всего маху врезали по лбу.

В конце концов, уже под утро, на заре, когда ни с того ни с сего ударила молния в дерево желаний, озарив спавшую под ним золотую в бриллиантах черепаху Тошбаку, не удержался Шухлик на скользкой тропинке и плюхнулся в лужу.

Наверное, в саду Шифо и лужи были не простыми, а волшебными. А может, Ок-Тава, почуяв с небес страдания Шухлика, всё же помогла. Так или иначе, а поднялся он из лужи

прежним рыжим ослом. Весь в грязи, но в общем-то довольный, что недолго мучался. Всего-то шесть частей ночи. Зато узнал, каково это быть человеком, и даже успел спеть.

«В любом человеке скрывается какая-нибудь ослиная морда», – решил для себя Шухлик.

Да, в мудрости он не уступал своему праотцу Луцию.

Это счастье, когда потомки не глупее предков.

Растрёпанные чувства

Всё было бы прекрасно, однако возникшие той ночью вопросы продолжали тревожить Шухлика, и зарядивший дождь никак не прекращался.

Непонятно, то ли один бесконечный, то ли целый строй идущих друг за другом без промежутков. Или, скорее, даже не строй, а толпа дождей!

Они громоздились, толклись, напирали, будто очень торопились куда-то, и лили, словно из дыр бурдюков. Так что отказался шедший и проходящий ходить по дорогам из-за воды и грязи.

Все друзья Шухлика сидели, не высываясь, по норам и гнёздам. Кошка Мушука спала день и ночь, как заколдованная принцесса.

Застигнутые непогодой сурок дядюшка Амаки и тушканчик Ука тоже дремали круглые сутки в норах, выкопанных наскоро под деревом желаний.

А мама-ослица начала чихать и кашлять. Видно, простыла.

В трудных случаях Шухлик советовался с садом Шифо. Но утомлённый дождями сад теперь не отвечал, угрюмо помалкивал, словно отворачивался. Лишь капли скучно шелестели в листве. Его молчание делалось нестерпимым.

Сад захлёбывался, утопал. Оглушённый ливнем он уже не расцветал по утрам и не плодоносил к вечеру. Казалось, деревья и кусты еле удерживаются корнями в размокшей земле.

Все прелести, созданные джинном Малаем в саду, растворились без следа, так быстро, будто их и не было, – терема, американские горки, колесо обозрения, метро, золотой шатёр и даже пожилой орангутанг, не говоря уж о телевизорах и одноруких бандитах.

Дерево желаний осталось, но с него опали розовые цветы. Зелёный глаз на макушке помигал, помигал, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь глухие облака, да и зажмурился. Вообще оно превратилось в какую-то облезлую кладбищенскую бузину, и сам сад напоминал теперь скромный деревенский погост, где похоронены чувства и желания, – разве что могилки не видно.

В такую чудовищно-дряблую погоду ни одно желание уже не исполнялось. И того хуже – не возникало!

В конце концов, и Шухлик загрустил. Уши и хвост уныло обвисли. Трудно не опечалиться, когда каждый новый день точь-в-точь как прошедший, не отличить, – пустые, будто дырявые ведра.

И всё вокруг кажется серым, бледным, одинаковым. Так же, как вчера, льёт с неба, раскисают дороги, под копытами хлюпают лужи, и смертельная скука на душе. Ровным счётом ничего не хочется!

Шухлик попытался «через не хочу» развести огурцы, кабачки и картофель. Но они погибли, как говорится, на корню.

Да откуда такая напасть?! Он был недоволен и собой, и своими приятелями, которые, казалось ему, всё делали не так, то есть вообще ничего не делали.

Хотел призвать позабытую Ок-Таву, но, как ни старался, не мог создать в душе то состояние огромного счастья, на которое прежде откликалась прекрасная осьмикрылая ослица. Да и как бы она спустилась с небес сквозь такие плотные и низкие тучи, почти лежащие на земле словно матрацы.

Шухлик не понимал – то ли он голоден, то ли зол, то ли ещё чем-то обеспокоен, будто невыученными уроками.

«Неужели у каждого райского сада такая судьба? – тосковал рыжий осёл. – Может, надо вовремя его покинуть? Как земля устаёт, когда её засевают одним и тем же злаком, так и сад утомляется от своего садовника. Всему нужны перемены!»

Так переживал Шухлик. И это само по себе уже было неплохо – значит кое-какие чувства пробуждались в его душе.

«Какое-то смятение чувств! – думал он. – Неужели причина в этом бесконечном дожде? Или сам дождь начался от моей тревоги?»

Он вспомнил, что джинн Малай большой умелец по части затяжных ливней. И в горшочек-то его упекли на пять тысяч лет в наказание за Великий потоп! Устроил случайно, по недоразумению. Может, и сейчас перемудрил? Хотел короткий грибной дождик, а отчебучил водяную прорву. Очень похоже на его работу! Ну, выяснится, когда вернётся из отпуска. Однако что-то очень задерживается. Не оказался ли опять в заточении?

Шухлик окончательно растерялся и не знал, то ли идти куда-нибудь вместе с садом, то ли оставаться на месте, дожидаясь возвращения Малая.

И не было покоя в его душе, как будто набедокурил, не зная и не ведая, зачем и почему. Никак не мог разобраться в чувствах и мыслях, застрявших в голове с той поры, когда превратился на время в человека.

Они как-то смешались в равнодушную кучу, а потом безучастно растрепались, перепутались, будто некошенная трава после вихря. Невозможно было понять, о чём они говорят.

Впрочем, растрёпанные чувства всё же куда лучше тупых!

Из растрёпанности может что-то произрасти, а из тупости – никогда. Растрёпанность вроде взрыхлённой земли. А тупость – как глухой бетон. Разве что взорвать!

Наверное, уже тысячу дней и ночей не утихал дождь. И конца ему не было видно. Будто бы он утопил само время, которое почти остановилось.

И всё-таки настала тысяча первая ночь. Очень-очень глубокая. Из таких ночей трудно выбираться к рассвету, как из ямы с отвесными стенками.

Привычно шумели дождевые струи. Однако примешивался ещё какой-то невнятный глухой звук, вроде быстрого топота копыт.

Но все спали и никто не слышал, как приблизился к саду красный осёл с пиратской повязкой на глазу и горбиком на спине.

Он был по-настоящему счастлив, увидев сад Шифо, по которому уже изрядно соскучился.

Брат-шайтан

Может, и не выбрали бы никогда обитатели сада из той глубокой тысяча первой ночи. Так бы и спали вечно, кабы не джинн Малай. Очень кстати вернулся из отпуска.

Он ворвался в сад, будто свежий морской ветер.

Сейчас тут было непривычно тихо и сыро, как в подтопленном погребе. Никто не встречал Малай. В серой утренней мгле раздавалось лишь похрапывание на берегу пруда.

Джинн едва узнал своего рыжего господина, такого взъерошенного, такого жалкого и худого, что даже странно, как это ему удавалось храпеть. Приоткрыв глаза, Шухлик вяло зевнул, будто они вчера расстались.

– А, это ты. Давненько не виделись. Кажется, три года без трёх месяцев. Сделай милость, прекрати этот ливень. Всю душу вытянул. Жалко, что выть не умею, а хотелось бы...

Джинн Малай не ответил, как обычно: «Слушаю и повинуюсь!»

Он сдвинул чёрную пиратскую повязку с глаза на уши, пошептал что-то под нос, прислушался и вздохнул так глубоко, как джинны обычно не вздыхают, будто насос, собравшийся надуть колесо.

– Не знаю, что и сказать, мой господин! Плохо дело! Шайтан Яшин, старший мой брат, развязал пупок Земли.

– Како-о-ой пу-у-упо-о-к? – недоверчиво подвывая, спросил Шухлик. – Да ты меня, чувствую, надуваешь!

Он и не подозревал, что у Земли есть пупок, который к тому же развязывается.

– Пусть я просижу ещё пять тысяч лет в горшочке, если посмею надуть моего господина! – воскликнул джинн. – Не каждый знает, но, клянусь, у Земли немало пупков! Один из них соединяет её с небом. Именно его развязал молнией нечистый дух Яшин, отчего и начались эти ливни. Пока идут дожди, он имеет власть – может небо опустить на землю, ручьи твёрдыми сделать, горы расплавить и звёзды погасить.

– И Ок-Та-а-ву-уу пог-уу-убит?! – взвыл Шухлик так громко, что сад встрепенулся, а из гнёзд и нор повысунулись заспанные приятели-обитатели. Прискакала рысью и мама-ослица защищать сыночка – ей померещилось, что в саду волчья стая.

Видимо, джинну удалось-таки привести Шухлика в чувства.

Не то, чтобы надуть, но развеять безразличие и вдохнуть интерес к жизни. Смятённые и растрёпанные чувства разобшились, и каждое заговорило собственным голосом.

Шухлик, как говорится, очнулся. Уши встали торчком, и кисточка на хвосте распушилась, чего давно уже не бывало.

А джинн Малай тем временем голосил, ревел и причитал.

– О, горе мне, горе! Мой брат-шайтан на всё способен!

В сквернейшем я положении! В унижении и умопомрачении! Бессилен я против старшего брата! Где тот герой, где богатырь, которому по силам найти и завязать пупок Земли?! Иначе дожди никогда не кончатся, а сила проклятого Яшина будет прибывать!

Услышав, о чём речь, мама-ослица сразу и успокоилась, и разволновалась.

– Думать об этом не думай! – сказала она Шухлику. – Ты, конечно, герой, но и без тебя найдутся завязчики! И прекрати, пожалуйста, выть по-богатырски, а то душа холодеет!

– Мамошка! – подпрыгнул он в нетерпении, – сообрази, откуда им взяться, этим завязчикам? Много ли охотников искать какие-то пупки незнамо где? Похоже, что на меня вся надежда! Да ты погляди, от одной мысли о таком деле у меня на копытах словно крылья выросли, и уже не вою.

И правда, рыжий ослик так преобразился, взбодрился – вылитый конёк-горбунок или, скорее, сивка-бурка. Чуть ли искры из ноздрей не посыпались!

– Не знаю, не знаю, – вздохнула мама. – Боюсь тебя снова потерять. Вечно ты влипнешь в какую-нибудь историю. Ну, может быть, отпущу. Только если вместе с садом Шифо.

Шухлик поскакал возмущённым галопом, разбрызгивая дождевую грязь. Куда это годится – идти на подвиг всем табором, как цыгане?! Да что тут поделаешь – слово мамы сильнее здравого смысла!

Хотя это счастье, когда можешь слушать мамины слова, пусть и не всегда разумные.

Кое-что о пупках

А у пруда как раз уже собрался «табор» – всё садовое население. И каждый норовил чего-нибудь присоветовать. Все оказались большими знатоками по части пупков.

– Плёвое дело! – хорохорился лис Тулки. – Мы с лисонькой Корси пупков отведали – не счесть! Особенно куриных!

Тушканчик Ука быстренько вязал на своём длинном хвосте затейливые узелки, приговаривая:

– Раз пупок! Два пупок! Сколько надо, столько и завяжем!

– Что касается пупков, то я их видела-перевидела! – стрекотала сорока Загизгон. – Встречаются коварные! Иной раз залетишь ненароком, так и не знаешь, как выбраться.

И жаворонок Жур поддакивал:

– Ужасные бывают! Если плохо завязан, утягивает слабую птичку неведомо куда.

– Какая чепуха! – возмущался от души сурок дядюшка Амаки. – За мою жизнь столько нор выкопал, а пупков не встречал! Да вон и кроты то же самое скажут! Верно говорю, братья-кроты?

Однако кроты не спешили соглашаться. Шушукались меж собой, перемигивались. Наконец, кротовый старшина вышел вперёд.

– Верно-то оно верно, да не так, чтобы очень верно. Смотри что считать пупком и как его понимать...

Черепаша Тошбака долго молчала, но тут не стерпела:

– Я, простите, так сказать, старая перечница, многие годы хранила тайну, но теперь откроюсь – я и есть пупок Земли! Чувствую, надо меня завязать.

Все так и обомлели. Похоже, старушка Тошбака ещё не проснулась как следует. Или дожди слишком уж прополоскали её маленькую головку.

Дядюшка Амаки потихоньку отвёл её к дереву желаний, под которым черепаха в последнее время устроила себе опочивальню.

Она не упиралась, шла покорно, только вскрикнула пару раз:

– Завяжите меня, братцы, завяжите! Поверьте, я – пупок Земли!

– Бедная старушка, – уронила слезу мама-ослица. – Выжила из ума! Не дай бог дожить до такого!

Все в саду задумались – каждый о своём.

– А если это правда? – сказал тушканчик Ука. – В том смысле, что наша черепаха – пупок Земли! Ума не приложу, как её завязывать.

Дядюшка Амаки отвёл под руки и тушканчика Уку в его нору. А вернувшись, пристально оглядел остальных обитателей сада – не отвести ли ещё кого-нибудь?

Да, дело непростое – разобраться с пупком Земли. Тут невольно такое брякнешь, что лучше сразу укрыться в норе.

Шутки шутками, а где, спрашивается, его искать, этот пупок? Ни на одной карте ничего подобного не отмечено.

Есть долгота и широта, то есть параллели и меридианы. В древности, помнится, говорили о семи климатах, которые опоясывают землю. Но что касается пупков, – никаких указаний! Неизвестно, в горах они, на равнине или на дне океана, в Северном полушарии или в Южном.

Скорее всего, надо разыскивать на вершинах гор, у родников.

Ведь пупок – это такой узелок, место, где сосредоточены жизненные силы Земли. Если хоть один развязан, силы утекают, и Земля ослабевает, остывает.

В конце концов, дождь может смениться снегом, с полюсов навстречу друг другу движутся льды, и всё вокруг замёрзнет, умрёт.

Медлить ни в коем случае нельзя. Но в какую сторону сделать первый шаг?

Может, куда глаза глядят? Да это хорошо во время бесцельного странствия. А когда нужно отыскать один-единственный пупок Земли, соединяющий её с небом, ноги столбеют, будто в оковах, – такая невыносимо-страшная ответственность.

И джинн Малай бессилен, хоть и только что из отпуска.

Не ожидал он такой подлости от брата-шайтана. Сидит, пригорюнившись, у пруда, как красная девица с пиратской повязкой на глазу. Час от часу усыхает. И никакого от него толку, никакого совета.

Лисонька Корси погадала на «петушка или курочку». Дядюшка Амаки – на бобах, разделив сорок один на три части. Кроты рассказали вещий сон, приснившийся всем им под утро. Сорока Загизгон колдовала с решетом, приговаривая: «Чудеса в решете! Дыр много, а выскочить некуда!»

В общем, так оно и получалось. Каждый указал свою дырку, своё направление к пупку Земли.

Сколько гаданий, столько и путей – на север, на юг, на восток и на запад.

Хотя надо признать, что любые пути куда лучше, чем тупики.

Не счастье ли это, когда есть выбор, когда столько путей вокруг!

Чу

Шухлик так разволновался, что скакал по саду без остановки целый день и целую ночь, не обращая внимания на дождь и грязь под копытами.

В голове было пусто. То есть мысли клубились, как туман, в котором ничего путного не разглядишь, никакой дороги.

Зато к утру в душе рыжего ослика проклюнулись ростки множества внутренних чувств. Точь-в-точь как всходы на огородных грядках.

Днём он присел рядом с джином Малаем у пруда – отдохнуть и разобраться в чувствах, которые восходили в его душе без счёта, одно за другим. Шухлик насчитал около дюжины и сбился.

Как говорится, он пребывал в чаще чувств. Можно сказать, в джунглях. И непонятно было, которому из них довериться.

Быстрее других выросло, как громадный подсолнух, изумление.

– Ну, попёрли! – вздыхал Шухлик, покачивая головой.

Вдруг он приметил одно из чувств, казавшееся вообще посторонним, каким-то приبلудным.

В его неясном лепете сложно было разобрать какое-нибудь отчётливое указание – мол, поступай, братец, так, а не этак.

Оно было слабым и нежным, как первый весенний цветок, первоцвет – вот-вот завянет.

Шухлик прислушивался к нему, ещё не разумея, о чём оно говорит.

И вдруг вспомнил, что когда был маленьким, прекрасно знал это чувство. Более того, доверял его подсказкам, охотно подчинялся.

С помощью этого чувства Шухлик с закрытыми глазами мог отделить белую фасоль от чёрной. Или, стоя на дворе хозяина Дурды, запросто предугадывал, кто в следующую минуту пройдёт по улице, а кто свернёт в их калитку.

Тогда это чувство не было таким уж слабым и вещало в полный голос. Оно позволяло слышать на расстоянии мамины мысли. Подсказывало во время игр, где спрятались козёл Така и кошка Мушука. Помогало избегать встреч со злобными бродячими псами.

Так и говорило: «Знаешь ли, лучше будет, если ты не пойдёшь в ту сторону. Прямо-прямо, дорогой ослик, а затем – налево!»

Или подталкивало сделать что-нибудь эдакое, о чём Шухлик вроде и не помышлял. Но если слушался, не ленился, всё выходило самым замечательным образом.

Иногда возникало такое странное, удивительное ощущение, будто всё, что сейчас происходит, уже было когда-то. Вот подойдёт корова тётка Сигир и скажет: «Что-то ты, Шухлик, расшалился не в меру! Смотри, как бы хозяин Дурды не осерчал». И кошка Мушука, тихо мурлыкая, будет подробно рассказывать свои сновидения. А через миг мама-ослица ласковым голосом позовёт к обеду.

Возможно, это тонкое чувство связывало ниточкой-невидимкой прошлое, настоящее и будущее. Ведь время – очень странная штука! То размеренно течёт, то застывает, то вдруг мчится галопом – так что не успеваешь уследить.

А это чувство показывало время со всех сторон. И то, которое проморгал или проспал, и то, которое использовал с толком, да уже упустил из памяти, и то загадочное, которое ещё не подошло к тебе, но уже существует где-то неподалёку.

Потом, за делами и повседневными хлопотами, за учением, набравшись чужого ума и чужих знаний, Шухлик как-то совсем позабыл об этом приятельском чувстве, и оно засохло где-то на задворках его души.

– Знаешь ли, мой господин, – подал голос грустный Малай. – Иной раз чужие мысли в твоей голове – это болезнь, хуже мигрени! Когда тебе говорят, что дважды два – четыре, не принимай сразу на веру, а хотя бы задумайся, так ли это? Если бы я всякими знаниями, всякой мудростью забивал без разбору свою голову, то и на свете не жил бы. Ведь о джиннах в учебниках да энциклопедиях ничего путёвого не сказано! Сказки, мол! В лучшем случае – легенды! – И он соорудил такую сказочную физиономию, которую ни в одной книге, ни в одной энциклопедии не найдёшь.

Действительно, тонкие волшебные чувства часто теряются в заботах, заглушаются знаниями.

Их заслоняют, забивают другие, более сильные и настойчивые. Например, осторожность в виде хваткого подорожника. Чувство опасности, похожее на крапиву. Страх, подобный цепкому репейнику. Разросшаяся буйно, как кусты бузины, неуверенность. Лопухи безопасности.

И злость, и обиды, и самодовольство, и лень заглушили то хрупкое чувство в душе Шухлика. Оно совсем затерялось среди чертополоха.

Впрочем, рыжему ослику, как всякому нормальному, в меру образованному существу, вполне хватало пяти внешних чувств. Они служили верой и правдой, как надёжные солдаты, не обманывали, но всё же, если задуматься, чего-то недоговаривали. Точнее, попросту не умели объяснить.

Шухлик обрадовался встрече со старым знакомым. Он даже припомнил, как называл его раньше, много лет назад, когда они были приятелями. Чувство по имени Чу! Прекрасно, что оно вновь проросло в душе на расчищенной почве, это чудесное чувство!

«Вообще-то чувство и чудо – родственные слова. Может, братья. Может, сёстры», – размышлял Шухлик.

Слово «чудо», как известно, происходит от старинного «чу» – слышать, ощущать, созерцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.